

стом доме. Это был целый период в истории авангардного театра, галерейные репетиции проходили без публики, в мертвой тишине. Дамы и кавалеры держались близ культурного фронта, но эти замашки воплощаются ныне в иных формах.

Недавно я вспомнила об этой любительнице уединения в самом подходящем месте — в Эрмитаже. Пьесу молодого симпатичного американца Джамиса Дюпонта «История Анастасии» литерские актеры сыграли на сцене Эрмитажного театра всего один раз. Автору так застеселось, чтобы премьера (точнее единственная, партия и последняя спектакль) состоялась в придворном зале династии Романовых. Из публики были только свои — пара критиков, десяток родственников, остальные — американцы, друзья автора, дипломаты. Казалось бы, ничего дурного в этом калитра не было. Просто — злосчастное время. Драматургу нужна реклама. Он кредитоспособен, теперь будет хвастаться, что премьера, мол, была в Петербурге, в Эрмитаже. С ним, все ясно, неясно с нами. Артисты (а среди них Светлана Смирнова, Ирина Соколова, Татьяна Михалевича, Игорь Шибанов) во главе с Алексеем Бурого выносили, вымачивали (хоть и родился спектакль слегка недооцененным) — и что дальше? Сразу хоронить?

Странные все-таки вещи учиняют над искусством деньги. Все начинается с материальной базы, с финансирования. К этому вроде бы пора привыкнуть, но как-то и не хочется, да и не может. Потому что и этот процесс идет у нас дико, извращенно, завышено. С чего раньше начинался театр? Нет, я не про вешалку, хотя, начинался театр, будь то Таганка «Современники» или питерское «Зеркальце», — с художественной идеи,

Театр (сб) Бесплатный сыр бывает только в мышеловке

с компании единовозрацев. Театр сатиры, открывшийся у нас на Васильевском острове, начался именно с вешалки. Что сказать о гардеробе? Он превосходит, милые его служительницы одеты в нарядную, словно из сказки Шаерца, униформу. Зал, парадная лестница, фойе — все блещет свежестью и вкусом. Директор Театра сатиры Владимир Словохотов попросил на выделение помещения, ремонт и реконструкцию здания несколько лет жизни. Все, что задумано — сделано. Все, кроме спектаклей. «Жанни-Бат» Гоголя в постановке А. Морозова, дававшаяся на открытии, ничего, кроме скуки и разочарования не вызвала. Режиссер, конечно, имеет право на творческую неудачу. Но начинать с неудачного театра? Где это видано? На что обречет себя коллектив при таком дебюте?

Еще один заезженный сюжет. Пришла в Комитет по культуре киножурналист В. Бортко, заявил, что есть у него блестящая идея: поставить в одном из дворцовых залов «Царя Эдипа» с Саманом Фурманом в заглавной роли. Моя, идея поддерживают петербургские «звезды» — Олег Басилевич, Владислав Стрелечкин, Лариса Малаченко. И нужно-то всего несколько миллионов для ее воплощения. Несмотря на протесты городского художественного совета, почему-то не поверившего в дебютанта (а Бортко прежде в театре не работал), Комитет по культуре и туризму во главе с Еленой Драпко проект одобрил. Прошло полгода. Актеры потихоньку из «Эдипа» ушли, разочаровавшись в режиссере. Недавно его покинул самый терпеливый — Фурман, которому, конечно, очень хотелось сыграть Эдипа. Говорят, на эту роль теперь приглашен Армен Джигарханян. Как относиться к этой истории?

Я могу трактовать ее только как профнепригодность городского театрального начальства, возмечтавшего о валютном спектакле. Провал затеи похож на явление проигрыша в пустом зале — олять все решает на слишком компетентная чиновница. Опять об искусстве никто не вспоминает.

В наше время популярна поговорка, что бесплатным бывает только сыр в мышеловке. Хотелось бы все же не экстраполировать эту житейскую мудрость на искусство. Его свойством всегда было бескорыстие. Парадокс заключается в том, что одновременно прекрасное является и дорогим удовольствием. Деньги нужны и на издание юнга, и на запись музыки, и на аренду помещений. Откуда их взять сверхзвездным постоянством субсидируемых маскульт? Говорят о возрождении петербургской культуры, а поддерживают коммерческие мероприятия. Только что А. А. Собчак распорядился выделить из фонда непредвиденных расходов около 80 миллионов рублей на проведение центром В. Киселева поп-фестиваля «Белые ночи Санкт-Петербурга». Если учесть, что на традиционный фестиваль классической музыки «Звезды белых ночей» (а в нем согласился участвовать Мариинский театр, Юрий Башмет, Виктор Афанасьев, Александр Торопов, Шура Чаркинский и другие) Комитет по культуре выделяет всего 8 миллионов, то культурная политика городских властей не оставляет нам иллюзий.

Остроумный выход для питерских художников придумала недавно Татьяна Юрьева — глава Центра искусства имени Дягилева. Она открыла выставку непосредственно в коридорах марин «Это единственное место, где не требуют арендной платы». Нет, Завен Аршакун, Африка, Глеб Богомолов, Валерий Вальран, Никола Заверев и еще тридцать прекрасных живописцев не стали лояльно относиться к властям. Они оставили сами собой и явили себя не вверсишаме столь же раскованно, как прежде в Мраморном дворце или в Манеже. Не стали знатоками современной живописи и чиновники. Не думаю, что кто-то из них останется в Смольном подольше, чтобы в тишине и одиночестве полюбоваться пейзажами. Но кто знает, если им по пять раз на день напоминать о присутствии в мире высокого и прекрасного, может быть, что-то поддается в их душе? Или для этого надо еще в каждом кабинете и в стеновой Смольного посадить по оркестру? Места в бывшем штабе революции предостаточно. Только, боюсь, будет этот сюжет напоминать фильм «Волга-Волга». В роли Ильинского — Анатолий Собчак.

Елена АЛЕКСЕЕВА.

ПОЭМА БЕЗ ГЕРОЯ

ДНА чиновная дама прошлых лет, из Смольного, прославилась тем, что любила смотреть спектакли одна, в пу-

Вран и сатире.